

УДК 811.161.1`27
ББК 81.2Рус-4
Б72

Мария Бобылёва

Б72 Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. / Мария Бобылёва. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 224 с. — (Лучшие медиа-книги).

ISBN 978-5-17-134853-3

Инвалид, бомж, колясочник, трансгендер — что не так с этими словами? Почему нельзя заболеть онкологией, лишиться девственности или сделать операцию по смене пола? Эти и многие другие слова и выражения или некорректны, или просто неверны. С помощью лингвистов, активистов, психологов и профильных специалистов автор Мария Бобылёва объясняет, что такое толерантная лексика, откуда она взялась и почему именно сейчас вокруг нее столько споров. Книга стала продолжением онлайн-проекта «Мы так не говорим» портала «Такие дела».

УДК 811.161.1`27
ББК 81.2Рус-4

ISBN 978-5-17-134853-3

© Мария Бобылёва, текст
© Анастасия Логарева, составление
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. ЯЗЫК ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ?	9
--	---

ЧАСТЬ 1. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ

VS СВОБОДА СЛОВА	23
Глава 1. Новая этика и культ обиды	25
Глава 2. Насилие над языком?	46
Глава 3. Повторение за Западом	63

ЧАСТЬ 2. СЛОВАРЬ

Глава 4. Заболевания и ограничения	72
Глава 5. Психические расстройства	97
Глава 6. Социально уязвимые группы	125
Глава 7. ЛГБТ+	153
Глава 8. Секс	174

ЧАСТЬ 3. СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ

Глава 9. Самоназвания	197
Глава 10. Эвфемизмы	201

Глава 11. Гендер и лексика.....	204
Глава 12. Феминитивы	211

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СЛОВО	217
---	-----

Посвящается Кате Абрамовой

*Быть названным — одна из первых
лингвистических травм человека.*

Джудит Батлер
Захватывающая речь:
Политика перформативности.¹

ВВЕДЕНИЕ.

ЯЗЫК ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ?

¹ «To be called a name is one of the first forms of linguistic injury that one learns» Judith Butler, «Excitable Speech: A Politics of the Performative».

Я так люблю этот пример, что начну прямо с него — это ясная и красивая иллюстрация идеи о том, что язык определяет сознание. В фантастическом фильме *Arrival* («Прибытие») 2016 года на Землю прилетают инопланетяне, имеющие вид гигантских кальмарообразных существ, и лингвистка Луиза Бэнкс в исполнении Эми Адамс весь фильм пытается расшифровать их язык. Язык у них странный и красивый — из своих щупалец гектаподы, как называют их земляне, выпрыскивают на стеклянную перегородку чернила и рисуют ими подобию круглых иероглифов, не похожих ни на какую земную письменность. Луиза, естественно, постепенно расшифровывает их язык и начинает с ними общаться. Оказывается, что в языке гектаподов нет категорий времени, и прошлое, настоящее и будущее для них существуют одновременно. Чем больше Луиза общается с ними, тем более странные вещи начинают происходить с ней самой: постепенно ее сознание перестраивается и она начинает видеть будущее как прошлое. Луиза навсегда перестанет быть прежней: изучив язык, в котором время — это еще одно измерение, она начинает воспринимать реальность по-

другому. И, уже зная, что произойдет с ней и ее еще не рожденным ребенком в будущем, осознанно идет к этому будущему, которое уже случилось с ней в прошлом.

Насколько язык и правда определяет сознание, споры ведутся до сих пор. Гипотеза Сепира-Уорфа, предполагающая, что структура языка влияет на мировосприятие и воззрение его носителей, а также на их способ мышления, остается гипотезой до сих пор, а сторонники ее мягкой версии (теории лингвистического релятивизма, по которой язык лишь в определенной степени влияет на мышление) по-прежнему спорят с адептами ее строгой версии (теории лингвистического детерминизма, где язык полностью определяет мышление). Но я не буду вдаваться в лингвистическую философию, а остановлюсь на том, что определенная корреляция между языком и мышлением существует, а какова ее степень, каждый для себя решает сам.

«Рассматриваем ли мы язык как зеркало нашей действительности? Тогда, посмотрев в зеркало, мы можем увидеть и оценить ее, в частности, оценить уровень равноправия женщин и мужчин. И да, в этом случае мы не всегда будем довольны результатом, — пишет лингвист Максим Кронгауз в своей недавней статье на сайте агентства ТАСС. — Или язык для нас — инструмент воздействия на мир и мы сначала меняем язык в надежде повлиять на действительность? Тут, конечно, разные люди и даже разные социальные группы дадут разные ответы. Скажем, уче-

ные и любители русского языка предпочтут первый ответ, а активисты и ревнителы справедливости — второй. Язык сегодня стал пространством борьбы или полем битвы, как кому больше нравится»².

Максим
Кронгауз
«О феминитивах в языке:
неча на зеркало
пенять»

«Каждый человек склонен переоценивать значимость того, что он делает. Интеллектуалы производят дискурс, поэтому им (нам) приятно думать, что язык определяет реальность, — говорит профессор Оксфордского университета и МВШСЭН (Шанинки), специалист в области истории российской культуры и интеллектуальной истории Андрей Зорин в интервью порталу Colta.ru.

Никакому здравомыслящему обывателю такая странная мысль в голову не придет: человек по собственному опыту знает, что язык описывает реальность или относительно прилично, и тогда ты с грехом пополам сможешь в ней ориентироваться, или вовсе плохо, и тогда ты, скорее всего, пропадешь. Нынешние левые интеллектуалы, напротив, приписывают языку магическую силу, и потому склонны репрессировать за слова и высказывания, обставляя речь бесчисленными табу и предписаниями. В этой модели мира какие-то слова сами по себе порождают социальное зло —

² Максим Кронгауз «О феминитивах в языке: неча на зеркало пенять», ТАСС, 08.09.2020.

а значит, и они, и те, кто их произносит, подлежат запрету и остракизму».³

Даже политологи говорят про влияние языка на мышление. Вот, например, Екатерина Шульман в программе «Статус» на радио «Эхо Москвы» 6 октября 2020 года сказала, отвечая на вопрос про феминитивы: «Язык — это власть, разумеется. То, что мы говорим, влияет на то, как мы думаем. Мы не можем

думать помимо слов. Поэтому те слова, которые социум влагает нам в сознание, ограничивают наше мышление».

Помимо лингвистов, антропологов и политологов о влиянии языка на мышление задумывается так или иначе каждый, кто активно сталкивается с другими языками. Родители детей-билингв видят, как по-разному маленький человек формулирует мысли на двух своих родных языках. Переводчики замечают, как на одном языке проще говорить про действия, а на другом — про чувства и состояния. Набоков в постскрипуме к русскому изданию «Лолиты» писал: «Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свой-

³ Полина Аронсон, Владислав Земенков, Андрей Зорин «Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленными», Colta.ru, 17.05.2019.

ственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов — все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и протиестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма».

Любой, кто общался с носителями английского, знает, что невозможно одним словом перевести «интеллигенция» — придется объяснять его целой фразой, потому что это сугубо русское явление. Также вдумчивый ученик английского не может не заметить кардинального различия в этимологии, например, слов «страхование» и его английского аналога *insurance*: в русском у слова корень «страх», а в английском — *sure* («уверенность»). Таких примеров великое множество — и все они безумно интересные. Когда начинаешь вдумываться в язык, не заметить эти закономерности невозможно.

Причем тут все это? Книга, которую вы держите в руках, родилась из проекта портала «Такие дела» под названием «Мы так не говорим», а сам проект — из идеи о том, что важно не только то, что мы говорим (и пишем), но и то, как мы это делаем. Мы в «Таких делах» пытаемся изменить общество с помощью текстов, рассказываем о социальных проблемах и показываем способы их решить. В какой-то момент мы всерьез

стали обращать внимание на то, какой язык мы при этом используем. Руководствуясь самыми благими намерениями, мы иногда допускали ошибки, используя привычные нам слова и не задумываясь о том, как их могут воспринять те, к кому они относятся. Мы употребляли слово «инвалид», когда оно уже стало некорректным. Мы писали про «нормализующие операции», которым подвергались интерсекс-люди, хотя никакой нормальности в этих процедурах нет. Мы использовали выражение «сексуальные меньшинства», имея в виду ЛГБТ, хотя это не только некорректно, но и просто неверно. Мы не хотели никого обидеть — мы просто использовали известный нам язык.

Но привычный нам язык — это часто язык вражды. Многие люди — и особенно СМИ — спокойно говорят и пишут «бомж», «колясочник», «прикован к постели», «шизофреник», «трансгендер», действительно не имея в виду ничего плохого. Но эти и многие другие слова уже стали обидными: они отражают пренебрежительное отношение общества к самым разным группам людей, которые в чем-то «не такие, как все». Мы убеждены, что язык, если и не определяет сознание, то точно на него влияет. Поэтому в своих попытках изменить общество мы хотели использовать язык, который поможет это сделать. Мы уверены, что то, как мы говорим, влияет на наше отношение к предмету. Поэтому мы решили создать глоссарий корректной лексики. Прежде всего для самих себя.

Для этого мы поговорили со специалистами в разных социальных областях, с лингвистами и активистами. Мы сразу задумали «словарь» таким, чтобы его можно было менять и дополнять со временем, ведь язык — живая система, он меняется вместе с обществом и его потребностями. И проект действительно менялся: месяц за месяцем жизнь сама предлагала новые и новые слова; какие-то фразы мы убрали, какие-то добавили; какие-то формулировки изменили.

Мы сразу сказали, что наш «словарь» — не истина в последней инстанции — многие термины и формулировки вызывают споры даже среди самих специалистов и представителей разных групп (здесь и дальше я буду писать «словарь» в кавычках: словарь, потому что так все давно уже привыкли его называть, а в кавычках, потому что, конечно, это не настоящий словарь, сделанный по всем правилам). Он был, скорее, приглашением к дискуссии. У нас не было цели диктовать, как надо, а как не надо, — каждый сам выбирает, как ему говорить и писать. И мы прекрасно понимаем, что лексика сильно зависит от места употребления, и то, как мы говорим на кухне, отличается от того, как мы выражаемся в публичных выступлениях, в соцсетях или в журналистском тексте. Мы ничего никому не навязывали — мы лишь предложили задуматься о том, как мы говорим, почему мы это делаем и как это воспринимают другие.

После выхода проекта мы провели не одну онлайн и офлайн-дискуссию на эту тему. Нас ругали все, начиная с лингвистов (естественно), заканчивая обычными людьми. Спектр недовольства был очень широким. Одни говорили, что языку нельзя ничего диктовать извне. Другие говорили, что мы устраиваем диктатуру и ограничиваем свободу слова. Третьи утверждали, что если у человека нет намерения никого обидеть, то и нет смысла менять слова. Четвертые говорили, что надо не заниматься чепухой, болтая о словах, надо менять реальность, а слова сами подтянутся. Пятые негодовали, что слов мы взяли недостаточно. Шестые просто возмущались в духе «кто вы такие». И так далее.

Это, в общем, и хорошо — мы хотели инициировать дискуссию, и мы это сделали. Спустя полтора года в медиа-пространстве дискуссий про язык и толерантную лексику стало в разы больше — и это тоже очень хорошо. «В центр этого проекта надо поставить человека, который не только не хочет, чтобы его обижали, но и сам не хочет никого обижать. Этот проект обращен к людям, которые хотят в себе пробудить человеческое», — сказал филолог Гасан Гусейнов на презентации «словаря».

А теперь к тому, зачем эта книга и чем она отличается от онлайн-проекта. «Мы так не говорим» задуман и сверстан именно как словарь, и ядро его — это поисковик. Вбиваешь в него любое слово